

ПОНЯТИЯ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Написание диссертаций и монографий, разработка научных программ, обсуждение особенностей новых дисциплин нередко сопровождается указанием объекта и предмета исследования. При этом под объектом исследования понимается то, что противостоит субъекту и подвергается его воздействию, а сторона объекта, которая рассматривается в данном исследовании, называется предметом исследования. Один и тот же объект может стать предметом ряда разных исследований. Историк-источниковед, обращаясь к «Илиаде» Гомера (как к объекту), в качестве предмета исследования может взять, например, информацию о быте древних греков, лингвиста интересуют другие стороны этого произведения, а теоретика военного искусства – третьи. Структурное отличие предмета от объекта видится в том, что в предмет входят лишь главные, наиболее существенные (с точки зрения данного исследования) свойства и признаки объекта (Философский энциклопедический словарь 1989: 505).

На практике выделение и сопоставление объекта и предмета нередко представляет собой непростую задачу. Дело осложняется отсутствием однозначного истолкования этих понятий в научной литературе. До конца не идентифицированы гносеологический, логический, лингвистический аспекты проблемы. В данной статье делается попытка рассмотрения объекта и предмета исследования через призму деятельностной методологической концепции при сопоставлении ее с созерцательной методологической концепцией.

По многим признакам (таким, например, как внесубъектность, поверхностность, статичность) названные понятия объекта и предмета сформировались и существуют в рамках созерцательных философско-методологических концепций, ограниченность которых раскрыта К.Марксом на примере Фейербаха и других материалистов. «Главный недостаток всего предшествующего материализма, включая и феербаховский, - писал К.Маркс, - заключается в том, что предмет, чувственность берется только в форме **объекта**, в форме **созерцания**, а не как **человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно**» (Маркс, Энгельс 1955: 1). От этого недостатка не смогли избавиться и более поздние философско-методологические концепции.

При деятельностном подходе, который открывает возможности к более глубокому пониманию сути познавательных процессов и которому К.Маркс отдавал предпочтение, созерцательная объект-предметная структура переосмысливается и переформулируется в иной категориально-терминологической сети, пронизанной идеями диалектико-материалистического принципа историзма. Этот принцип, как известно, состоит в познании вещей и явлений в их становлении и развитии, в органической связи с порождающими их условиями, означает фиксацию не любого изменения, а такого, в котором выражается формирование специфических свойств и связей вещей, определяющих их сущность. Центральными «узлами» названной сети являются чуждые созерцательным концепциям понятия цели, средства, результата, мотива и др.

Конечно, между созерцательными и деятельностными структурами существует глубокая внутренняя связь (первые поглощаются вторыми). Отчетливое представление о ней дает, в частности, начальный этап истории пифагорейской математики.

Своеобразие мышления древних греков состояло в обобщенных подходах ко всему познаваемому. Идея космоса как структурно организованного целого играла в миропонимании древних греков основополагающую роль, выступала своеобразной программой освоения мира. При этом мыслители сходились во мнении о дедукции (хотя самого этого термина древние греки не знали) как о методе, который позволял при опоре на небольшое число исходных положений находить порядок в хаосе, связывать идеи в логические цепочки. Однако представления о вещественном основании космоса были разными: у Фалеса в качестве этого основания выступала вода, у Анаксимена - воздух, у Гераклита - огонь, у Ксенофана - земля. Пифагорейцы видели вещественную основу космоса в числе. Об их исканиях Аристотель сообщает следующее: «Так называемые пифагорейцы, занявшись математикой, первые развили ее и, овладевая, стали считать ее начала началами всего существующего. А так как среди этих начал числа от природы суть первое, а в числах пифагорейцы усматривали (так им казалось) много сходного с тем, что существует и возникает, - больше, чем в огне, земле и воде (например, такое-то свойство чисел есть справедливость, а такое-то - душа и ум, другое - удача, и, можно сказать, в каждом из остальных случаев точно так же); так как, далее они видели, что свойства и соотношения, присущие гармонии, выразимы в числах; так как, следовательно, им казалось, что все остальное по своей природе явно уподобляемо числам и что числа - первое во всей природе, то они предположили, что элементы чисел суть эле-

менты всего существующего и что все небо есть гармония и число» (Аристотель 1976: 25).

Отсутствие письменных документов не позволяет сколько-нибудь надежно восстанавливать последовательность открытий, которые делались в пифагорейской школе. Обычно полагают, что одним из первых результатов было введение противопоставления: единица - множество, чет - нечет. Затем тщательно изучалась проблема делимости на два. Потом пифагорейцы обратили внимание на то, что некоторые числа (простые) делятся только на самих себя, другие же могут быть представлены в виде произведения двух или большего числа сомножителей. Далее из натурального ряда были выделены ряды «треугольных», «квадратных», «пятиугольных» и других чисел. Дальнейшая разработка делимости целых чисел привела пифагорейцев к идее рациональной дроби и т. д. (Рожанский 1980: 77).

Показательно, что у вавилонян и египтян представления о числах, числовых отношениях рассматривались в качестве своеобразной рецептуры решения практических задач (как вычислить площадь треугольника, трапеции, объем пирамиды и т. д.), т. е. числа и числовые отношения использовались ими лишь в качестве *средств* деятельности. Устремления же пифагорейцев носили иной характер, их интересовали числа и числовые отношения как специальный *предмет* (он же *цель*; в дальнейшем нами будут использоваться конструкция «предмет-цель», а также «объект-средство») исследования. В их поисках к тому же отчетливо просматриваются элементы процесса развития знаний с его признаками необратимости, направленности и закономерности: то, что было предметом-целью исследования на предыдущем этапе, на последующем безвозвратно переносится в сферу объекта, пополняет знание о нем и используется (по закону отрицания отрицания) в качестве средства дальнейшего исследования.

Таким образом, подтверждается важнейший постулат деятельностной методологической концепции: объект - это уже не некий естественный и застывший фрагмент внешнего мира, каким он представляется при созерцательном подходе. Объект задается субъекту в исторически сложившихся и актуально усвоенных им формах познавательной деятельности и предстает перед ним не только как результат, но и как предварительное условие, средство будущих познаний. Оно при этом понимается в самом широком плане. Всякое средство - это не только «вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет» (Маркс, Энгельс 1960: 190), не только «все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться» (Маркс, Энгельс 1960: 191), но и регулятивы идеального плана (образцы, методы, правила научно-исследовательской работы, социокультурные ориентиры, способы понимания, оценки, контроля, санкционирования исследовательских операций и процедур и т. д.) - все то, что так или иначе влияет на организацию и стимулирование исследовательской деятельности, обеспечивает достижение цели.

На предельно общем уровне средства, выполняя эвристико-прогностическую, рефлексивно-критическую и другие познавательные функции, фиксируются в формах деятельности, языка и знаний - в формах категорий пространства и времени, причины и следствия, количества и качества, необходимости и случайности, явления и сущности и т. д.

В конкретном научном исследовании - в диссертации, монографии и др. - ситуация представляется более приземленной и непосредственно знакомой едва ли не каждому автору. Обычно очертания объекта-средств и предмета-цели уже видны из названия науч-

ного сочинения. Современный историк-историк-источниковед, обращаясь к «Илиаде» Гомера (как к объекту), взяв в качестве предмета исследования информацию о быте древних греков, наполняет объект более глубоким смыслом, делает его более отчетливым, подвергая накопленную литературу критическому анализу. Цель такого анализа заключается не в том, чтобы автор представил читающей публике свою эрудицию, а в том, чтобы выйти на вопрос о новизне исследования, которая, как известно, составляет неприменную черту научного познания. Демонстрация новизны требует, во-первых, констатации сделанного в данной области предшественниками (как результат – обстоятельная характеристика объекта); во-вторых, выявления нерешенных вопросов, на которых должно быть сконцентрировано внимание в процессе исследования (описание содержания предмета исследования).

При изложении материала объект-предметное отношение может принимать разное языковое оформление. Название «Илиада» Гомера как источника познания быта древних греков в контексте изложения может быть выражено и другими языковыми средствами, например, в виде целеполагания: «представить "Илиаду" Гомера как источник познания быта древних греков»; с помощью вопроса: что представляет собой «Илиада» Гомера как источник познания быта древних греков? В каждом случае объект-предметное отношение выступает как момент процесса развития знания - от старого к новому, от неполного к полному, от неизвестного к известному. При этом понятия объекта и предмета, хотя и выполняют разные функции, однако являются понятиями относительными, одно без другого не существуют, одно другое предполагают. Ссылки на используемую или упоминаемую литературу – верное свидетельство связи исследования с его объектом.

Одной из важных специфических черт цели (предмета) научного исследования является то, что в начале исследовательского процесса полагаемый ею результат представляется в весьма общих, неопределенных чертах, прогнозируется и предвосхищается в недостаточной степени. Фактически цель задается множеством целей и означает направление поиска научной истины, но еще не саму истину. Лишь одна из целей может совпасть с конечным результатом. Приступая к исследованию, ученый не может представить его итог в чертежах и расчетах, как это имеет место в управленческой, производственной и других сферах человеческой деятельности. Но будучи все же как-то обозначенной, цель оказывает обратное воздействие на средства исследования - в том смысле, что из всего многообразия свойств и отношений, которыми обладает внешняя по отношению к исследователю реальность (объект), «выхватываются» лишь те свойства и отношения, которые способны повлиять на раскрытие предмета, выступать в качестве средств его изучения.

Неопределенность в характеристиках цели имеет своим следствием трудности в планировании исследовательских работ, выделении ресурсов на их производство. Ученый, как правило, находится в затруднении при представлении подробного плана научного поиска с указанием сроков исполнения, списков необходимого оборудования, материалов и т. д. План составляется в начале работы, но обычно это лишь первоначальный набросок результата, он - не жесткое предписание, а лишь возможная модель будущей деятельности.

В процессе достижения цели представление о предмете исследования играет роль ступени, опираясь на которую возможно дальнейшее движение. Как писал И.Павлов, «во всякий момент требуется известное общее представление о предмете, для того чтобы было на что нацеплять факты, для того чтобы бы-

ло что предполагать для будущих изысканий. Такое предположение является необходимым в научном деле» (Павлов 1952: 107). В ходе исследования это представление конкретизируется, обогащается и развивается за счет изъятых из объекта и неизвестных вначале признаков и условий своего существования. Внешне это можно выразить в смене вопросов, дополнительно встающих перед исследователем, последовательно разрешаемых им и подчиненных поставленной цели. Соответственно многократно корректируются планы как исследования, так и изложения материала. В деятельностной парадигме, таким образом, объект и предмет не суть «постоянные величины».

Если цель или предмет исследования представить в виде некоторого вопроса, то результат будет ответом на этот вопрос. Результат становится очевидным, ясным и отчетливым, когда исследование завершено, и остается только «погрузить» его (результат) в контекст изложения материала.

Важнейшим общелогическим требованием к средствам исследования является их непротиворечивость. Согласно известному формальнологическому закону, две противоречивые мысли не могут быть вместе истинными. Противоречие может означать использование ложных аргументов, что недопустимо, является грубой логической ошибкой. Цель, достигаемая неправыми средствами, не есть правая цель. Отказ от правомерности рассуждениям с противоречиями уже в древности считался обычным делом, а приведение к противоречию противника в процессе спора (сократический метод) было равносильно его поражению.

Непротиворечивые средства могут оказаться: а) достаточными и необходимыми для достижения цели; б) достаточными и ненеобходимыми; в) недостаточными и необходимыми; г) недостаточными и ненеобходимыми.

Ситуация, характеризующаяся достаточностью средств для достижения цели, в методологии связывается с понятием *задачи*, а характеризующаяся их недостаточностью - с понятием *проблемы*.

Достаточность и необходимость средств означает, что они обладают свойствами непротиворечивости, полноты и независимости. Здесь результат оптимально детерминирован наличными средствами, он уже неявно содержится в средствах и может быть получен из них дедуктивным путем. Исходные данные проектируют единственный путь, ведущий к надежному ходу решения и обоснованному результату. По принципу достаточности и необходимости в учебной литературе составляются задачи как инструмент закрепления теоретического материала. Не редки они и в научных исследованиях, особенно на их завершающих этапах.

Если средства достаточны, но не все из них необходимы для достижения поставленной цели, то формулировка задачи оказывается отягощенной привнесенными, второстепенными обстоятельствами. Это означает, что она страдает избыточностью и требуется «бритва Оккама» для удаления посторонних примесей. Подобно маскировочной сети, избыточные средства затрудняют поиск данных, необходимых для верного результата, хотя последний заключен в самой формулировке задачи и выводится из нее по определенным правилам преобразований.

В случае недостаточности и необходимости мы имеем дело с действительными (хорошо сформулированными) проблемами. Их условия непротиворечивы, независимы и одновременно неполны. Неполнота условий имеет своим следствием то, что исследователь оказывается как бы на распутье, не может принять обоснованного решения, ответ на проблему колеблется между некоторыми альтернативами. Средства позволяют получить лишь час-

тичный результат – гипотезу, подлежащей дальнейшей разработке. Полнота условий проблемы и следовательно, ее разрешимость достигается в процессе синтетической деятельности в неопределенной среде, путем введения различного рода ограничений и уточнений. Стремление разрешить проблему без принятия такого рода мер ведет, как правило, к бесплодным дискуссиям, напрасной трате времени и средств. Чем больше не хватает средств для нахождения исчерпывающего ответа, тем шире пространство возможностей решения проблемы, тем шире сама проблема и неопределенной конечная цель. Многие из таких проблем не по силам отдельным исследователям и определяют границы (предметы) целых наук.

Формулировка всякой действительной проблемы содержит в себе подсказку, где нужно искать средства, которых недостает. Они не находятся в сфере абсолютно неизвестного и обозначены в объекте некоторым образом, наделены некоторыми признаками. Например, для науки долгое время остается загадкой природа шаровой молнии. Вопрос: какова природа шаровой молнии? подсказывает, что отыскиваемое должно быть подчиненным понятию причины, неявно зафиксированному в предпосылке данного вопроса.

Ситуация недостаточности и не необходимости средств для достижения цели характерна для плохо сформулированных, диффузных проблем. В их условиях, с одной стороны, имеется избыточная, но не противоречивая информация, а с другой - требуются усилия по отысканию данных, сужающих проблему к пределам, позволяющим применить аналитические методы решения.

Работа в обстановке недостатка достаточных и необходимых средств чревата неожиданными следствиями. Недостаточность средств, как правило, стимулирует интеллектуальную активность исследователя. В своем

стремлении найти недостающие средства он испытывает на пригодность имеющиеся у него возможности, находит новые, в том числе такие, что являются избыточными по отношению к намеченной цели или противоречащими ей. Но таковые могут дать лишь побочный результат. По своей сущности они не детерминированы поставленной целью и потому рассогласованы с ней. Стремясь к цели, субъект познания, образно говоря, «не ведает, что творит». Такого рода результаты древние греки называли поризмами, и в творческой деятельности поризмов бывает не меньше, чем запланированных результатов.

Противоречивость средств ведет к возникновению мнимых проблем в науке. История знает немало примеров такого рода. Классическим из них является проблема вечного двигателя. Его идея противоречит фундаментальным принципам естествознания. Поэтому данная проблема не имеет решения. Доказательство невозможности решения, которое считается наиболее трудным с методологической точки зрения, влечет за собой переформулировку предмета исследования, но уже без противоречия. В частности, неразрешимая проблема «Как построить вечный двигатель?» была в итоге заменена на вопрос: «Возможно ли построить вечный двигатель?».

ЦИТИРОВАННАЯ И УПОМЯНУТАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика. (1976). I, V, 985 b 25 - 986 a 5.
2. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1960). Сочинения. 2-е изд. Москва, Гос. изд-во: Полит. лит-ры. 19(60). Т. 23.
3. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Сочинения. 2-е изд. – Москва, Гос. изд-во: Полит. лит-ры. Т. 3.

Методологическая установка состоит в том, чтобы, устраняя избыточные и противоречивые данные в объекте, по необходимости расширяя или суживая предмет исследования, добиться такой ситуации, когда средства станут необходимыми и достаточными для достижения цели. Тем самым проблема науки превращается в научную задачу, которая, как видим, возникает одновременно со средствами своего разрешения. Цель же и вместе с тем предмет исследования перестают быть абстрактным стремлением, благим пожеланием и делаются основанием и законом исследовательской деятельности.

Таким образом, понятия объекта и предмета исследования можно рассматривать в рамках как созерцательной, так и деятельностной методологических концепций. Но в последнем случае мы получаем более содержательный результат. Это наводит на мысль об избыточности требования всякий раз наряду с формулировкой средств и цели исследования давать сообщение о его объекте и предмете, как это и делается согласно некоторым нормативным документам.

4. Павлов, И. (1955). Полное собрание сочинений. Москва-Ленинград, изд-во: АН СССР. Т. III, кн. 1.
5. Философский энциклопедический словарь (1989). 2-е изд-ое. Ред. колл.: Аверьянцев С. (и др.). Москва, изд-во: Советская энциклопедия.
6. Рожанский, И. (1980). Античная наука. Москва, Наука.

ПОНЯТИЯ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

РЕЗЮМЕ

Показано, что понятия объекта и предмета исследования можно рассматривать в рамках как созерцательной, так и деятельностной методологических концепций. Но в последнем случае получается более содержательный продукт, поскольку понятийно-терминологический аппарат созерцательного подхода, представленный, прежде всего, категориями предмета и объекта, оказывается частным случаем деятельностного, где центральные категории – цель, средство и результат. Это наводит на

мысль об избыточности требования всякий раз наряду с формулировкой средств и цели исследования давать сообщение о его объекте и предмете, как это делается согласно некоторым нормативным документам.

Ключевые понятия: объект исследования, предмет исследования, созерцательная методологическая концепция, деятельностная методологическая концепция.

Վլադիմիր Բերկով

ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅԱՆ ՕԲՅԵԿՏ ԵՎ ԱՌԱՐԿԱ ՀԱՍԿԱՑՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹԵՆԱԿԱՆ ՄԵԹՈԴԱԲԱՆԱԿԱՆ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԻ ՏԵՍԱՆԿՅՈՒՆՆԻՑ

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում ցույց է տրված, որ հետազոտության օբյեկտ և առարկա հասկացությունները կարելի է դիտարկել ինչպես հայեցողական, այնպես էլ գործունեության մեթոդաբանական հայեցակարգերի տեսանկյունից: Մակայն վերջին դեպքում ավելի բովանդակային արդյունք է ստացվում, քանզի հայեցողական մոտեցման հասկացություն-տերմինաբանական ապարատը, որը նախնառաջ ներկայացված է առարկա և օբյեկտ կատեգորիաների միջոցով, հանդիսանում է գործունեությանի մասնավոր

դեպք, որում կենտրոնական կատեգորիաներն են նպատակը, միջոցը և արդյունքը: Դա հանգեցնում է ամեն անգամ հետազոտության միջոցների և նպատակների ձևակերպման հետ մեկտեղ դրա օբյեկտի և առարկայի մասին տեղեկություն տրամադրելու պահանջի ավելորդությանը, ինչպես դա տեղի է ունենում որոշ նորմատիվ փաստաթղթերի համաձայն:

Հանգուցային հասկացություններ. Հետազոտության օբյեկտ, հետազոտության առարկա, հայեցողական մեթոդաբանական

THE CONCEPTS OF OBJECT AND SUBJECT OF STUDY IN THE LIGHT OF THE CONCEPT OF ACTIVITY-BASED METHODOLOGY

ABSTRACT

It has been shown that the notions of object and scope of research may be viewed from two methodological perspectives – contemplative and practice-oriented. The latter perspective, however, yields a more content-rich product, as the terminology and concept range of the contemplative approach turns out to be a sub-set of the action-oriented perspective, focused on the notions of the ends, means and result. This suggests that

the requirement to state the object and scope of research in addition to its goal and means, as stipulated in a number of regulations, may be superfluous.

Key concepts: object of study, subject of study, contemplation methodological concept, the concept of activity-based methodological.